

— Еще страшнѣе оставаться здѣсь... безъ тебя.

Діодоръ опустилъ голову. Онъ почувствовалъ, что эта дѣвочка сильнѣе его, опытнаго, пожившаго человѣка. А онъ-то считалъ себя сильнымъ!.. Ну, что же теперь дѣлать? Уѣхать? Безъ него она рѣшится на все... Взять ее съ собою? Эта мысль казалась ему дикою, нелѣпою... Остаться здѣсь и еще болѣе разжигать любовь въ сердцѣ невинной дѣвочки? Это было совсѣмъ невозможно... А между тѣмъ онъ долженъ былъ безотлагательно рѣшить вопросъ о томъ, что дѣлать. Бросить ее, безпомощную, возмущенную, одну на произволъ судьбы — онъ не имѣетъ права...

Въ головѣ Діодора мутилось. На мгновенье у него мелькнула мысль о самоубійствѣ. Взять и покончить всю эту путаницу однимъ выстрѣломъ изъ револьвера... Но чего онъ достигнетъ этимъ? Правда, онъ покончитъ со своими страданіями, но въѣдъ другіе, связанные съ нимъ судьбою, останутся жить и страдать... Нѣтъ, самоубійство, въ данномъ случаѣ, будетъ преступленіемъ, подлостью, постыдной трусостью. А онъ не вынесетъ имени подлеца даже и въ могилѣ...

Любъ Діодора покрылся холоднымъ потомъ. Онъ поднялъ голову и тусклымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Лену. Она уже не плакала, и глаза были сумрачно устремлены куда-то вдаль.

— Леночка! — выговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Лена молча повернулась къ нему.

— Что ты рѣшила? Скажи мнѣ...

— Уѣзжай! — сказала она, и въ голосѣ ея прозвучало безнадежное уныніе. — Я рѣшила, что стѣсню тебя... Уѣзжай!

— А ты?

Лицо Леночки вспыхнуло.

— Какое тебѣ дѣло до меня? — сухо проговорила она.

Лодка нѣсколько минутъ тихо скользила по рѣкѣ, никѣмъ не управляемая. Кругомъ все молчало; въ небѣ по прежнему безмолвно и таинственно сверкали звѣзды. Мракъ и глушь...

— Ну, слушай! — съ трудомъ произнесъ, наконецъ, Діодоръ. — Будь что будетъ... я не уѣду отсюда до тѣхъ поръ, пока не помогу тебѣ выбраться на свободу...

Лодка опять закачалась. Леночка бросилась къ Діодору, за-сверкавшими глазами посмотрѣла ему въ лицо и, схвативъ его руку, прижала ее къ губамъ.